

28.11.91

Шинн Аркадий

Кинодраматург Аркадий Инин, лирик-пересмешик (см. его сценарии «Одиноким предостается общежитие», «Танцплощадка», «Однажды двадцать лет спустя» и другие — многие), в подзаголовке своего нового сценария написал: «Наверное, комедия. Наверное... Если надеяться, что все-таки, смеясь, мы все-таки расстанемся со своим прошлым.»

Потом они сидели в вагоне-ресторане, ожидая еду, и Тура читала тетрадь, а Майя слушала с открытым ртом: Без всяких прав и даже без приличий Казнить или миловать всех нас готов Наш царь и князь, наш хан и городничий — Горькома секретарь А. А. Углов.

Ко всем товарам нам закрыл все двери Начурпротрогвали — гражданин Бальк. Ну а в столовых, хоть я не Сальери, Скажу: уж лучше яд, чем тот шашлык... — Что шашлык, чего шашлык? — обижено затупела толстая официантка, подавая тощие шашлычные палочки. — Нормальный шашлык. Бараний. Из свиныни.

— О, Аллах! — воздела руки к небесам Тура. Потом они стояли в коридоре у вагонного окна, и поезд постукивал на стыках в ритме стихов, которые продолжала читать Тура.

Любить свободу быстро вас научит Начальник гормилиции Ткачук. А врач Щербинский ласково вам вручит Путевочку в дурдом — там хваит мук! — Ой, у всех поэтов больное воображение, — засомневалась Майя.

тронула легкая оттепель, затем явное потепление, и наконец они просто солнечно воссияли. — Добрый вечер, — сказала Майя. — Добрый-добренький, — вскочила дама. — Добро пожаловать, товарищ народный депутат. — Спасибо. Пожалуйста, номер. — Конечно, конечно. А я вас сразу узнала, даже если бы и без значка. Только вы в жизни еще лучше, чем по телевизору. — Спасибо. Так что же номер? — Секундочку. Но как же вы одна? Боже мой, вас не встретили? А где багаж?

Дама сыпала восторженной дробью, а Майя отвечала кратко, и вообще ее было не узнать: куда подевалась наивная простушка из вагона, теперь перед нами была властная, деловая, знающая себе цену женщина-депутат. — Багаж — потом. Сейчас — номер. — Пожалуйста, пожалуйста, люкс. Пятый этаж, вид на нашу замечательную речку. — Спасибо, — перебила Майя. — Нужен документ? — Что вы, что вы. — ужаснулась дама. — Какой документ! Прощу.

Она подала ключ с деревянной будильничкой на кольце, Майя взяла ключ, но тут произошло неожиданное: ноги дремавшего у стойки гражданина пружинисто подтянулись, газета, вздымавшаяся сонным дыханием, слетела с его лица, из кресла выскочил тощий долговязый молодой человек с всклокоченной шевелюрой и цепко ухватил за руки администраторшу и Майю.

тянулись улыбки короби новых микрорайонов и застлал разноцветными дымами небо какой-то промышленный урод. Майя отошла от окна, направилась к двери, открыла ее и замерла.

Рябов побогрел и стал хватать ртом воздух. — У-у, поэт чертов, писака. Этот Кошкин... — Речь не о Кошкине, — перебила Майя, — речь о вас. — Клевета. Все клевета. И что мы полгостиницы

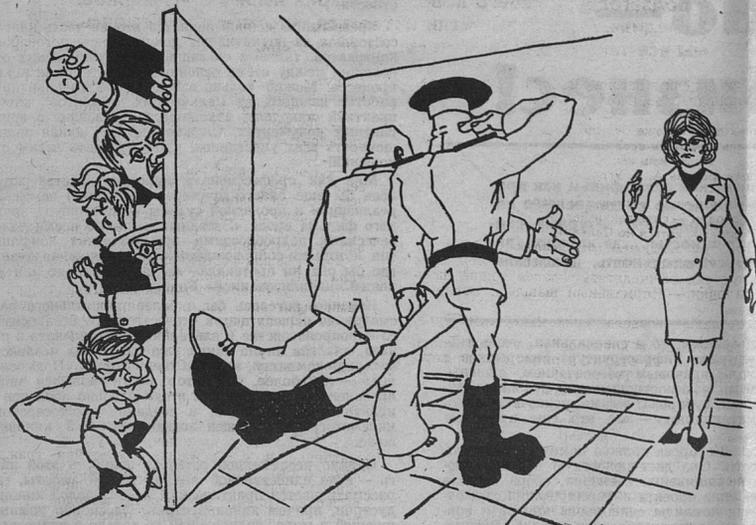

Рисунок Аркадия Лыгина.

Аркадий ИНИН К НАМ ЕДЕТ ДЕПУТАТ

Потом поезд уже бежал в ночи, за окошком вспыхивали редкие проблески света, а наши попутчицы в купе завершали чтение. На том кончало с первой и надеждой: Мельник и в нашем томосе чертасе свет! Трепещут пусть мерзавцы и неведжы! — Им всем воздаст Верховный наш Совет!

А тем, кто благодарным был и стойким, Салютом прозвонит весной капель, И я в честь нашей славы перестройки Скажу: нет, я не Август, я Апрель! Тура закрыла тетрадь, Майя спросила: — А при чем тут это — август, апрель?

— Имя у него такое. Наш поэт, умный, в красном пиджаке... сказал: как у философа Августа Велья. Он, наверное, тоже немножко философ, голуба не Вебель, он — Август Кошкин. — Ну нямячо, — засмеялась Майя. — Нет, это все фантасии.

— Вот через неделю с комиссией и проверим, — пообещала Тура. — А сейчас давай спать? — Ага, спать хочется, — потянулась Майя. Тура сняла пиджак со Звезды Героя и депутатским значком.

— Все. Теперь до Москвы не надену. Что, дома не знают, что я Герой и депутат? Неудобно, честное слово, как будто хвастаюсь. — А неудобно, так и в Москве не носите, — сказала Майя. — Нет, наш секретарь обкома говорит: это тоже неудобно, форма, понимаешь? А то некоторые даже без галстуков в Кремль ходят.

Тура свернула пиджак и сунула его в свой необъятный багаж, а оттуда достала цветастый халат. — Спокойной ночи, дорогая. Глубокой ночью поезд замедлил ход у станции. Майя — одетая, с сумкой на коленях — глянула в окно.

Над перроном сияла неоновая надпись — «Среднегорск». Одежду спящей Туры сползло на пол, депутатка лежала, свернувшись калачиком, и брови ее были страдальчески сведены лбомком. Майя подняла одеяло, укрыла попутчицу, и Тура облегченно распрямилась, улыбаясь во сне.

Майя улыбнулась ей ответно, подхватила свою сумку и вышла. А потом Майя уверенным легким шагом шла через холл гостиницы. И на ее лацкане гордо сиял значок народного депутата СССР.

В Италии ужасны мафозии, Но если б повисали они тут, То, заверлю вас на всем серезе, Она б вскричала: «Мафия, капуй!» Майя засмеялась, но Тура сказала строго: — Совсем не смешно. Этот наш поэт, умный-умный, в красном пиджаке, он так сказал: за этими стихами — суровая проза жизни! Давайте создадим комиссию, — депутатка снова вздохнула. — Вот я с этой комиссией-мамиссией через неделю еду в Среднегорск.

— Попались? — Вы что, вы что? — завизжала администраторша. — С ума сошли, ненормальный! А Майя резко и довольно умело высвободила свою руку. — В чем дело, гражданин? — холодно спросила она.

— А вот в чем, — долговязый указал на спящего в холле. — Для одних — мест нет, а для других — пожалуйста? — Для кого для других, — взвилась дама. — Выбирайте выражения. — Нужен документ? — Майя спокойно полезла в карман.

— Это он сейчас будет предъявлять документы, — взвизгнула дама. — Василий Васильч! Швейцар в галстуках уже спешил к ним в сопровождении молодого сержанта милиции, помахивавшего резной дубинкой. — Отлично, — воскликнул долговязый. — Милиция тут необходима.

Сержант четко козырнул Майе, а долговязому сказал устало: — Ты опять? — Нет, это они опять. Составляй протокол о нарушении порядка заселения гостиниц. Начали просыпаться бездомные в креслах, кое-кто подтягивался к стойке. Сержант добавил металла в голосе: — Идем, ну.

— Нет! Я требую задержать с полицным. Сержант вздохнул, заломил долговязому руку за спину, тут и охнул не успев, как очутился за дверью. — Послушайте, — запоздало вскрикнула Майя. — Надо же разобраться...

— Да с ним уж давно разобрались, — сообщила администраторша Майе и всем, кто был у стойки. — Это ж наш дурачок городской, блаженнейший наш Кошкин. Ко всему уже в нашей жизни привычные, люди удовлетворились этим объяснением и вернулись в кресла — доспать.

А Майя задумалась, припоминая. — Кошкин... Август? — Ой! — администраторша обмерла. — А вы... вы что, по его сигналу? — и бурно затараторила: — Вранье, все вранье. Проверять, все проверять.

— Спокойно, — одернула ее Майя. — Я нахожусь здесь никогнико. Никто обо мне не должен знать. Ясно? — Так точно, ясно, — вытанулась дама во фрунт. — Молчу, как сарнофак.

Утром Майя проснулась от солнечного луча, заглянувшего через толстые гардины номера люкс. На потолке среди орнамента лепнины сплелись купидончики с крыльшками — непрямый атрибут бывших купеческих особняков. Майя улыбнулась и пружинисто выпрыгнула из широкой арабской кровати.

Потом — уже в костюме с депутатским значком — она стояла у окна. Под холмом, на котором была гостиница, раскинулся обычный среднерусский городок, разделенный неширокой мутной рекой. По эту сторону была старая часть города. А за рекой

Обшарпанный коридор гостиницы был забит людьми. Едва Майя появилась на пороге, они рванулись к ней с криками, с бумагами: — Помогите! Умоляю! Прочитайте! Помогите! Майя нырнула обратно. В дверь затарабанили. Майя перевела дух, надела обаятельную улыбку и вновь явилась перед народом: — Доброе утро, товарищи.

Народ опять замахал руками, прошениями, взмолился о помощи. — Давайте не все вместе, — попросила Майя. — Я понимаю, у вас проблемы, но почему вы обращаетесь ко мне?

— А к кому ж еще? — протиснулся вперед старик с орденским иконостасом во всю грудь. — Вы депутат, вы комиссия. — Во-первых, я только депутат, а комиссия придет через неделю. Я же здесь по личным делам. А во-вторых, откуда вам вообще известно, что я здесь? Как ни накалено было собрание, оно отделило дружным смехом. Но смех перекрыл командирский рык: — Па-апрашу, разойдись. Па-апрашу освободить отель.

Сквозь толпу продирались плотный мужчина с выправкой и голосом маршала в отставке. За ним следовал знакомый нам сержант с резной палкой и тоже приговаривал: — Граждане, не спалывайтесь. Покиньте помещение. Но толпа, наоборот, сбивалась плотнее, угрожающе шумела. Отставной маршал тоже перешел к угрозе.

— Сержант, вызывай наряд. — Не смей, — звонко выкрикнула Майя. Толпа притихла. И отставник присмирел. А Майя улыбнулась: — Друзья, если вы хотите, чтобы я вас выслушала, я, конечно, выслушаю. Сделаем так: сегодня я займусь своими делами, познакомясь заодно с вашим городом, а завтра, скажем, часов в десять, я к вашим услугам.

Народ, покоренный ее улыбкой, начал расходиться. Сержант завершал процессию, помахивая дубинкой. Толстуха в платочке, уходя, бросила отставнику: — Можно ж по-человечески, а то сразу — наряд. Козел! — Что? — вскинулся тот. — Да как ты смеешь... — Товарищ, — оборвала его Майя. — Кто вы, собственно, такой?

Отставника явно потянуло козырнуть ей, но в последний момент он удержал руку на полпути к виску. — Разрешите доложить. Директор гостиницы Рябов. Майя чуть задумалась, припоминая, и заговорила стихами: Золотыми личками Ряба Все несется — нелегкий труд... А директор гостиницы Рябов Не несется — ему несут!

якобы под ремонт поставили, а сами номера сдаем. И что рыночных у нас проживает больше командировочных. И что за бронь берем без всякой брони. Майя с интересом выслушала всю эту информацию к размышлениям. — Все это вы расскажете комиссии. А я тут, повторю, не по работе. И вообще я иду завтракать. — Как можно, завтрак уже вот он! По коридору официант в белом нес поднос под белую салфеткой. — Это еще что такое? — нахмурилась Майя. — Я иду в буфет.

Невозможно, виноват, буфет закрыт на предмет травли тараканов, развелись, понимаете ли, эти тараканы. Официант с подносом застыл перед Майей. Она стояла и думала. Рябов ждал, лоб его покрывался испариной. — Хорошо, — сказала Майя. — Сегодня в порядке исключения. И вошла в номер. Директор облегченно утер пот со лба. Официант поставил поднос на столик и с понком удалился. Рябов смахнул салфетку, обнаружив аппетитный натюрморт мясных и рыбных закусок. А в центре — марочный коньячок.

Майя вновь задумалась. Лоб Рябова опять вспотел. — Алкоголь убрать, — наконец сказала она. Рябов одной рукой с виртуозностью иллюзиониста удалил коньяк, а другой рукой вновь облегченно утер мокрый лоб.

Майя шла по городу. Город был грязный. Ветер нес мусор по тротуарам, а мусорных урн не наблюдалось. Над городом витали разноцветные дымы работающего вдали комбината. Но кто там работал, было непонятно — казалось, все население находилось на улицах. В обоих направлениях тесли потоки людей с авоськами, сумками и суровыми неубойчивыми лицами. А те, кто не двигался по улицам, стояли с суровыми неубойчивыми лицами в очередях — у мажоранов, у столовых, на оставшихся транспортах. Хотя почему они стояли, тоже было непонятно; витрины магазинов сияли ослепительной пустотой, транспорт к остановкам не приближался.

Майя жарко. Майя останавливалась у многочисленных автоматов газированной воды, и стаканы в них, как ни странно, наличествовали, вот только воды не было. Майя в очередной раз бросила монетку, получив в ответ лишь жалостное шипение, плула автомат ногой и пошла дальше.

Улица облупившихся домов вывела ее к площади. Здесь была совсем иная картина: посреди убоженного пространства возвышался каменный Ильич с неизменной кепкой в кулаке одной руки и устремленной в коммунистическую даль ладонью другой. Вокруг были разбиты зеленые газоны с цветниками, а половину площади охватывало подковы малохудожественное, но мощное строение горькома.

Майя поглядела на царственные чертоги, направилась к ним, но передумала, пересекла площадь и вновь очутилась на обычной обшарпанной

улице. Но более веселой: она была вся облапана вывесками и топарни кооперативов и кооперативчиков, смахивая на вольный рынок в слабозаритой стране третьего мира. Двигались, куртки, юбки, бижутерия — стекло а ля брильянт, кошечки-копилочки и чеканенные на бронзе писающие младенцы.

Майя миновала торчал плакат «Купание в р. Средней категорически запрещено». Кому он адресовался — это было еще одной загадкой славного города Среднегорска, ибо вряд ли бы нашлся безумец, рискнувший совершить омовение в играющих нефтяной радугой водах.

Майя свернула с набережной на очередную улицу, прошла один дом, второй, а из подворотни третьего выскочил человек и утащил ее за руку в подворотню. Точнее, попытался утащить, но Майя ловко вывернулась и так врзрала нападающему, что тот шпелнулся наземь.

— Ой, вы чего-о! — простонал Август Кошкин, сидя в пыли. — А вы чего? — поинтересовалась Майя. — Так я же поговорить... — Интересный у вас способ разговаривать. — Извините, — Кошкин вскочил. — Я, конечно, веду себя нелепо, но, понимаете, меня ищут. — А-а, — усмехнулась Майя. — Сбежали из милиции?

— Нет, почему, меня отпустили. Но сегодня ожидаются события, и они хотят меня изолировать, так что надо поговорить, а то мы можем долго не увидеться. — Боже, какое счастье. — Почему? — искренне не понял Кошкин.

Майя не успела ему этого объяснить — по улице проехала милицейская машина, и Кошкин нырнул в подворотню. — Эй, вы куда? — засмеялась Майя. — Трусишка зайка серенький. Август выглянул из подворотни и заявил: — Я никого и ничего не боюсь! Просто я опасаясь, что мне помешают сделать мое дело. — Какое дело? И кто вы вообще такой? — Август Кошкин, бывший журналист, потом дворник, потом узник психолечебницы. — А-а, вот откуда вы сбежали! — Нет, меня освободили по протесту международной психиатрической ассоциации. — Не рановато? — Как раз вовремя: началась перестройка. Ну а потом — одиннадцать прим... — Чего-чего? — Статья одиннадцать прим: «Дискредитация руководств...» Я на митинге сказал про Углова пару слов — и склопотал пару лет. — А-а, значит, вы все-таки в бегах. — Нет, освобожден по амнистии. Как орденосец.

— Ну? — усмехнулась Майя. — Герой Труда? — Нет, — серьезно ответил Кошкин, — медаль за спасение утопающего. Да это уже не имеет значения, вы большие молодцы. — Мы? — не поняла Майя. — Конечно, вы — Верховный Совет — отменили эту бабдистскую статью, спасибо вам огромное! — А, ну да, — спохватилась Майя, — не за что. — Очень есть за что. — Кошкин замитинговал. — Народные избранники доказали аппарату, что его хитрая подлость и подлая хитрость... На улице снова поплилась милицейская машина, и Кошкин, не договорив, опять нырнул в подворотню. — Пока-пока, одиннадцать прим, — помахала рукой Майя.

Но уйти не успела. Кошкин выскочил, заговорил жарко: — Я не успел сказать главное. Приношу извинения за инцидент в гостинице, я же не знал, что это вы. — Кто — я? — Ну вы — депутат, приехавший по моему письму, и теперь мы вместе... — Никаких вместе, — прервала Майя. — Я приехала по личным делам. И не знаю никакого письма. — Не знаете? Так я вам сейчас все-все расскажу... — Но в третий раз милицейская машина не дала Кошкину договорить. Она выскочила из-за угла и — прямо к ним. Кошкин снова встал в подворотню. Одиноким милиции он был и не нужен — машина остановилась перед Майей.

— Товарищ депутат! — выскочил из машины квадратноплечий и квадратнолицый. — А я вас по усаму городу шукаю, шукаю. Дозвольте представиться: начальник горотдела милиции полковник Ткачук!